

УДК 81`367

СПЕЦИФИКА ИНФЛЕКТИВА КАК ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Е.П. Денисова

Тверской государственной университет, Тверь

Понятие инфлектива рассматривается в историческом аспекте; обсуждаются особенности его функционирования на примере русскоязычных комиксов и художественных произведений; предпринимается попытка дать дефиницию данной категории.

Ключевые слова: *предикация, предикативное отношение, инфлексив, комиксы.*

Понимая вслед за А.Ф. Лосевым язык как «всеобщее предикативное отношение» [4: 47], мы имеем в виду, что предикация неизменно присутствует во всяком предложении / высказывании. Вместе с тем выход за рамки представления о том, что предикация может быть выражена только лишь посредством слов, их сочетанием тем или иным образом, даёт нам возможность смотреть на это явление гораздо шире. Одним из примеров тому служит специфическая природа предикации, обнаруживаемая в комиксах. В данном случае предикация присутствует не только в тех высказываниях героев, которые содержат выраженную традиционными средствами предикативную связь, устанавливающуюся между «членами предложения первого порядка» (*Satzglieder erster Ordnung*) [15: 42], или означаемыми словоформ, входящих в предикативную основу предложения, именуемых субъективом и предикативом. Характерное для комикса выражение эмоций, интенсивности чувств или быстроты протекания того или иного действия определяет частотность использования такой единицы языка, как инфлексив.

Проблема функционирования инфлексивов в немецкоязычных комиксах была рассмотрена нами ранее [3]. Однако на протяжении достаточно долгого периода времени комикс как жанр является популярным и в русскоязычном пространстве, поэтому существует возможность исследования инфлексивов и на примере переводных комиксов, доступных русскоязычному читателю.

Мы полагаем, что всякий инфлексив наделён предикативным потенциалом, т.е. он может быть превращён в предикат, следствием чего будет являться должное синтаксическое и грамматическое оформление предикативного отношения в рамках рассматриваемого предложения/высказывания. Субъектом данного предикативного отношения станет изображённый на этом или на предыдущем рисунке деятель / предмет. Именно ему и приписывается действие, свойство или состояние, выраженное в разворачиваемом в предикат инфлексиве. Рассмотрим несколько примеров, заимствованных из комикса американского автора Билла Уоттерсона под названием «Кальвин и Хоббс» (англ. *Calvin and Hobbes*). Этот комикс посвящён шестилетнему мальчику Кальвину и его плюшевому тигру Хоббсу, а также их совместным приключениям. Кальвин – большой фантазёр, выдумщик и непоседа, поэтому он склонен видеть в Хоббсе настоящего, живого тигра, который поддерживает все его проделки. Найденная нами в Интернете русскоязычная версия комикса, к сожалению, не содержит указания на авторство перевода [16].

На рис. 1 мы видим ситуацию, когда шалость Кальвина оборачивается против него самого: желая попасть в соседскую девочку Сьюзи воздушным шаром, наполненным водой, он обнаруживает, что у неё есть точно такой же шар, ранее принадлежавший его тигру. Сьюзи бросает своё «оружие» в мальчика. При попадании шар издаёт характерный звук. Предикация, имеющая место на рисунке, может быть раскрыта следующим образом: *шар плюхается*. Субъектом предикации является шар, изображённый на предыдущих картинках, а предикатом выступает инфлексив *плюх*, который делает наглядным происходящее.

Рис. 1. Кальвин и Хоббс.

Рис. 2 знакомит нас с типичными страхами шестилетнего мальчика: он боится, что под его кроватью скрываются ужасные чудовища с длинными щупальцами. Пытаясь победить их, он следует совету своего тигра и включает свет. Возникает следующая предикация: *Кальвин щёлкает выключателем лампы*. Субъектом данного действия является сам мальчик, а предикатом – раскрытый в глагол инфлексив *щёлк*, имитирующий звук, производимый лампой. Судя по звукам, доносящимся из-под кровати, чудовища действительно оказываются побеждены.

Рис. 2. Кальвин и Хоббс.

Однако мы полагаем, что рассмотрение русскоязычных примеров и их особенностей не стоит ограничивать комиксами, Интернет-чатами, молодёжным языком, короткими текстовыми сообщениями, поскольку данные единицы могут быть обнаружены в текстах художественных произведений.

Так, в статье Л.С. Моисеевой и Т.Ю. Борисовой, посвящённой функционированию «усечённых» форм глагола в произведениях русской художественной литературы XIX–XXI вв. (а инфлексив формально и есть не что иное, как «усечённая» форма глагола), приведены количественные данные, отражающие частотность употребления некоторых из таких форм. Авторы опираются на «Национальный корпус русского языка» и приводят следующие количественные данные: форма «дёрг» встречается 49 раз, «плюх» – 84 раза, «бряк» – 92 раза, «чмок» – 140 раз, «щёлк» – 343 раза, «кап» – 358 раз, «скрип» – 1255 раз, «стук» – 4206 [6]. Рассмотрим несколько примеров, включающих в себя те же инфлексивы, что и в представленных выше комиксах.

- (1) *Машка стояла у скамейки, разговаривала со мной и вдруг – плюх прямо в лужу!* (Пантелеев А. И. Наша Маша).
- (2) *А тюлень, понимаете, оказался наверху, но не удержался, поскользнулся и плюх мешком к нам на палубу!* (Некрасов А.С. Приключения капитана Врунгеля).
- (3) *А счётчик щёлк да щёлк, но всё равно* (Карапетян Д. Владимир Высоцкий. Воспоминания).
- (4) *Если двумя руками, то смотрите, орёл летит. Вот волк зубами щёлк* (Шишкин М.П. Венерин волос).

Анализ этих предложений позволяет сделать вывод, что при включении в предложение инфлексив может непосредственно брать на себя функцию предикатива и, вступая во взаимодействие с субъективом, также присутствующим в данном предложении, образует предикативную синтагму, являющуюся основой для предложения: the relation between subject and predicate is of fundamental nature, anterior to all other relations in a phrase [13] (отношение между субъектом и предикатом носит фундаментальный характер и является предшествующим всем другим отношениям в выражении. – Перевод мой. – Е.Д.). Субъектив – синтаксема со значением предикационного субъекта, предикатив – синтаксема в позиции предиката. Оба компонента «стремятся друг к другу» [1: 22].

Инфлексивы, выступающие в роли предикативов, могут быть с лёгкостью раскрыты в глаголы (ср. *Машка плюхнулась в лужу; Тюлень плюхнулся на палубу; Счётчик щёлкает да щёлкает; Волк щёлкает зубами*), но подобная операция делает предложения более громоздкими, лишая передаваемое в них действие стремительности и быстроты.

Мы видим, что инфлексивы способны выступать в роли простого глагольного сказуемого (примеры 1–4), а также могут сочетаться с обстоятельствами времени (*Машка вдруг плюх*), места (*Машка плюх в лужу; тюлень плюх на палубу*) и управлять другими словами (*волк зубами щёлк*) (примеры 1, 2 и 4).

Проблема рассмотрения инфлексива как особого случая предикации неизменно отсылает нас к истории вопроса, существенные грани которого связаны с отечественной лингвистической наукой.

Действительно, термин «инфлексив» является относительно молодым, поскольку был введён немецким лингвистом Оливером Тойбером для номинации предикативно употребляемой основы глагола лишь в конце 90-х годов прошлого века [14]. С точки зрения немецкого языка, инфлексив образуется путём отсечения от инфинитива суффикса -(e)n. Непосредственные примеры использования данной категории, на которые ссылаются многие немецкие

исследователи, обнаруживаются гораздо раньше, в ряде переводных комиксов про Микки Мауса и т.п. [12: 194]. В несколько более ранней работе Е. Хенчель и Х. Вайдта рассматривается та же глагольная форма, однако авторы склонны приравнивать её к междометию [11: 299].

Что касается отечественной лингвистики, то интерес к сущности данной единицы языка наблюдался уже в 40-х годах XX века и существовал на всём его протяжении. Подтверждением данного факта служат работы А.А. Потебни, А.А. Шахматова, В.В. Виноградова и А.М. Пешковского.

Так, А.А. Потебня полагал, что «междометия, преимущественно звуко-подражательные, означающие мгновенность действия, каковы, например, *бух! бац!*, – стоят по употреблению в одном разряде с «предикативными частицами» или «междометными формами глагола» [8: 190]. А.А. Шахматов, помимо простых междометий, выделял «глагольные междометия», или глаголы «мгновенного вида» (*бац, стук, двиг, толк, порх, бух* и т.п.), представляющие собой «название глагольного признака, которое в своей звуковой форме обнаруживает стремление говорящего воспроизвести в нём хотя бы условно звукоподражание, напоминающее или указывающее на быстроту, резкость произведённого действия» [9: 57]. Однако, даже фиксируя своего рода встречное движение между глаголами и междометиями, А.А. Шахматов отказывает последним в способности непосредственно обозначать действие и тем самым устанавливает резкую грань между этими двумя категориями. Как и А.А. Шахматов, В.В. Виноградов отводил междометиям обособленное место среди других частей речи, одновременно сближая их с модальными словами. В.В. Виноградов приводит подробную семантико-грамматическую классификацию междометий, создание которой связано с наличием у них интонационно-мелодических, эмоционально-смысловых и грамматических особенностей [2].

По мысли А.М. Пешковского, междометия представляют собой «знаки чувствований, а не представлений» [7: 372]. Именно это и отличает их от других частей речи. Вместе с тем он указывает на существование глаголов «ультра-рамгновенного» вида (*прыг, бац, бух*) и оспаривает возможность их отнесения к междометиям [7: 200]. Сходство слов типа *щёлк, дёрг, прыг* и т.п. с глаголами, безусловно, привлекает внимание лингвистов. Для многих из них очевидно, что эти слова имеют свою специфику, которая проявляется в особенностях их функционирования внутри предложения, в грамматическом оформлении, в сферах употребления. Однако они видят природу этих языковых форм по-разному, а потому предлагают различные термины для их описания.

Исходя из этих соображений, мы полагаем, что термин «инфлексив» может быть использован в качестве своего рода обобщающего понятия, поскольку его функциональность оказывается несколько шире. К инфлексивам мы можем относить все те формы, которые соответствуют общему формальному признаку: они представляют собой чистую основу глагола, взятую безо всяких суффиксов. Их отличительной чертой является способность выступать в роли предикативно употребляемой основы глагола. В этом случае мы можем «развернуть» инфлексив в предикацию, соотнести его с содержащимся в предложении субъектом действия, тем самым приписав ему то или иное действие или состояние. Как и всякая языковая единица, инфлексив призван выполнять ряд функций. Первая, простейшая функция инфлексива отмечена в работе Й.

Аделунга, заслугой которого является фиксация глагольных форм типа *knall*, *prall*, *berst*, *brech* и т.п. ещё в конце XVIII века, которые он, к слову сказать, определяет как междометия, представляющие собой «*der erste Versuch der Sprache Nachahmung der tönenden Natur*» [12: 197] («первую попытку языка имитировать звучащую природу»). – Перевод мой. – Е.Д.).

Сходной точки зрения придерживаются также А.А. Потеня и А.А. Шахматов. Инфлексивам также свойственно выступать в роли иконического знака (*stampf – топ, poch – стук*) и передавать определённые движения, действия. Именно эти функции приписывают инфлексивам О. Тойбер и П. Шлобински [12; 14], что является отчасти созвучным мысли А.А. Шахматова. Кроме того, инфлексивы могут быть направлены на выражение коммуникативного действия (*grins – хмык, wein – хнык*), являясь, как пишет А. М. Пешковский, «знаком чувствования» [7: 372]. Современные исследователи отводят данной функции одно из наиболее важных мест.

Что касается дефиниции инфлексива, то, опираясь на определение, данное Л.С. Моисеевой и Т.Ю. Борисовой понятию «усечённая» форма глагола, и приравнивая их друг к другу, мы можем определить инфлексив следующим образом: инфлексивы – «это класс неизменяемых и грамматически неформированных слов, служащих для обозначения внезапного и быстрого действия» [6]. Действительно, эти языковые единицы не имеют формальных показателей (наклонения, времени, лица, числа, рода), вместе с тем, всякий носитель русского языка без труда подберёт соответствующий «полный» глагол, с помощью которого и может реализоваться предикация.

Поскольку понятия «междометия» и «инфлексив» имеют довольно много общего, мы полагаем, что всё то, что И.И. Мещанинов говорил о междометиях, может быть в полной мере отнесено и к инфлексивам: они представляют собой «вовсе не вымирающую категорию слов и не только уцелевший в языке рудимент, сохранившийся от его далекого прошлого»; они «имеют свою вполне действующую силу и продолжают развиваться, что, несомненно, обуславливается их связью с синтаксическим построением предложения» [5: 294]. Это позволяет делать вывод о прикладном значении изучения функционирования инфлексивов в речи.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка Л.: Наука, 1973. 366 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?0a0=6&p=5310&s=0#P039> (дата обращения 23.03.2015).
3. Денисова Е.П. Инфлексив в свете теории предикации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 4. С. 31–37.
4. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во МГУ, 1982. 480 с.
5. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.; Л.: АН СССР. 322 с.
6. Моисеева Л.С., Борисова Т.Ю. Функционирование «усечённых» форм глагола в произведениях русской художественной литературы XIX-XXI вв. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyber-leninka.ru/article/n/funktsionirovanie-usechennyh-form-glagola-v-pro-izvedeniyah-russkoy-hudozhestvennoy-literatury-xix-xxi-vv> (дата обращения 23.03.2015).
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.; Л.: АН СССР, 1938. 456 с.

8. Потехина А.А. Из записок по русской грамматике. М.; Л.: АН СССР, 1941. т. 4, 318 с.
9. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941, 620 с.
10. Adelung J. Chr. Umständliches Lehrgebäude der Deutschen Sprache, zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen. Band I. Hildesheim; New York: Olms, 1971. 884 S.
11. Hentschel E., Weydt H. Handbuch der deutsche Grammatik. Berlin/ New York: de Gruyter, 1994. 472 S.
12. Schlobinski P. *knuddel – zurückknuddel – dichganzdollzurück- knuddel*, Inflektive und Inflektivkonstruktionen im Deutschen // ZGL 29.2001. S. 192–218.
13. Schweizer H. The Predication-Model as a component of a Semantic and Pragmatic [Электронный ресурс]. URL: <http://www-ct.informatik.uni-tuebingen.de/daten/je-rusgr.pdf> (дата обращения 18.12.2012).
14. Teuber O. fasel beschreib erwähn – Der Inflektiv als Wortform des Deutschen // Germanistische Linguistik. 1998. №141–142. S. 7–26.
15. Van der Elst G. Syntaktische Analyse. Erlangen; Jena: Palm und Enke, 1994. 234 S.

Источники примеров

16. Весёлые комиксы для детей и взрослых [Электронный ресурс]. URL: <http://calvin-hobbs.ilost.ru/> (дата обращения 23.03.2015).
17. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 23.03.2015).

**SPECIFICITY OF INFLECTIVE
AS SPEECH AND LANGUAGE UNIT**

E.P. Denisova

Tver State University, Tver

The paper is devoted to the inflective and describes its interpretation from the historical point of view. A short definition and some specific features of this unit are presented by the example of comic strips and texts of fiction in Russian.

Keywords: *predication, predicative relation, inflective, comic strips.*

Об авторе

ДЕНИСОВА Евгения Павловна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого языка Тверского государственного университета, e-mail: eugenia-de@yandex.ru